

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Ангельское личико

Сияющая девушка, грациозно шагая мимо меня, сразу заполняла всю мою душу и мысли. С какой-то поры все, что я делаю, я делаю не для себя. Многие занимаются каким-либо делом, творческим или не совсем, пытаюсь разглядеть пользу и великое будущее для себя. Кто-то упорно ходит и поет в клубах, настойчиво мечтая о большой сцене, кто-то ходит на одну и ту же работу, старательно выбивая себе повышение, дабы покупать более дорогую одежду, вкусную еду... И я когда-то был таким же эгоистом. Но до того, как моя жалкая на тот момент жизнь повстречала на своем пути обворожительную красавицу, ибо для нее теперь даже мои легкие непроизвольно сжимаются, помогая мне дышать только для того, чтобы глаза могли видеть ее превосходное личико.

Пришло время делать новый паспорт. Все подробности с охотой на документы можно опустить, ведь все эти подробности, как и всю суть местной жизни можно узнать в журнальных анекдотах. Главное в этой истории — фотография.

Был сумрачный день. Серая погода давила на психику. На нее можно было свалить все поганое настроение, даже если она не виновата. В любом случае хмурый от повседневных проблем повседневной жизни я нехотя шел в салон фотографии. Мне не хотелось туда идти. Мне больше хотелось наконец прийти домой и завалиться на диван в отдыхе от всего, что так достало. Я даже не подозревал, какое чудо я буду наблюдать за стеклянной дверью фотостудии.

Ангельское лицо смотрело куда-то в сторону. Мила сидела за столом и что-то записывала на листке очередного клиента. Было видно лишь часть ее прекрасного тела, но его я заметил в последнюю очередь, пока не налюбовался личиком. Темная бровь слегка приподнятая, глазки смотрели вниз на стол. Черные, упругие волосы, как поле на природе. Она сидела, прямо держа спинку, но не так, как это делают остальные женщины, просто, потому что так принято. Ей так было действительно удобно. И в ее прямой осанке наблюдалась своя расслабленность, спокойствие.

Наконец клиент ушел. Время близилось к ночи, поэтому я был последним ее клиентом тогда. Когда мужчина, выходя из помещения, задел меня, слегка толкнув плечом. Тогда я будто очнулся от плена ее света и прекрасного вида, будто очнулся от огромной мечты, в которую хочется погружаться постоянно и не выходить из нее. Она посмотрела на меня.

Она повернулась и первый раз за все то время, как я там стою, увидела меня. Она посмотрела на меня. И на ее лице сразу появилась улыбка. Глаза застенчиво дернулись вниз, но потом опять поднялись и посмотрели мне в душу, сияя, освещая всю темень, что таилась во мне.

— Добрый вечер! — Заговорила она высоким и нежным голосом. — Что вы хотели?

— Остаться здесь...

— Что?

— Сделать фото на паспорт, — быстро поправился я.

— Хорошо, — сказала она, все также улыбаясь, начав возить руками по столу.

У нее были большие глаза, в которых отражался свет от лампы, хотя... каждый, кто заглянул бы в ее глаза, в самую последнюю очередь бы подумал, что тот свет в глубинах прекрасных темных глаз — всего лишь отражение от лампы. Тоненький переход с маленькой ямочкой вел к аккуратному носику, который мне почему-то напомнил маленького, только что

родившегося цыпленка. Объятые губы, как мягкая подушка — яркие, слегка пухлые.

Подтянутые скулы делали лицо незабываемо красивым.

Я уже сидел на стуле перед ней, готовясь к снимку. Ее прекрасное лицо скрылось за камерой. Вместо ее чудных глаз на меня смотрел объектив камеры, но перед моими глазами все также продолжал стоять тот образ прекрасного лица.

— Слегка улыбнись. — Незаметно перешла на «ты». На это я бы долго не решался... нет. Ради такого чуда, я бы собрал все, что во мне есть, лишь бы не упустить ее.

— Готово. — Чуть не подпрыгнула она, сделав снимки.

На ней была белая блузка, почти прозрачная, что можно было увидеть контуры ее лифчика. Свободная черная юбочка струилась вокруг нее, словно пачка на балерине. Да и сама она была похожа на хорошенькую балерину, играющую прекрасного лебедя. Ровные, цвета нежного крема ножки двигались, шагая по полу, грациозно покачивая бедрами. Острые туфли цокали при каждом шаге — звук, который я бы слушал постоянно, который для меня стал лучшей музыкой вселенной. Звук, означающий ее присутствие где-то рядом.

Закончив заполнять всякие бумажки, на которых я не мог сосредоточиться... даже имя и фамилию свою писал, постоянно останавливаясь, вспоминая, какая следующая буква... я наконец-то смог просто посмотреть на нее в очередной раз.

— Все сделано, — так мило говорила она, — желаю удачи с получением паспорта.

— Она мне пригодится. — сказал я.

Ее певучий смех, навечно отдавался в голове эхом, застревая там. Это эхо не даст мне жить, если рядом не будет этот голос и цоканье туфель самой лучшей барышни на свете.

— Знаешь, я... не знаю... возможно это тебе кто-то уже говорил... Возможно все говорят... но ты самое прекрасное создание, которое природа смогла сотворить в этом безграничном мире.

— Собрался и осмелился я сказать ей. Зато благодаря этому мои мысли переключились и на секунду я перестал думать о ней. Мысли перешли на оглушительно громко бьющееся сердце, которое вот-вот выскочит в страхе перед тем, что она ответит.

— Значит, ты ничего не вспомнил. — Проговорила она. Улыбка не сошла с ее лица, но глаза слегка погрустнели.

— Что я должен помнить?

— Я на протяжении всей школы... и младшей, и средней ходила за тобой по всюду. — Она откинула вверх черные волосы. Все знали, если надо меня найти, спрашивали, где ты. Я любила тебя. Всей душой. Но ты не замечал меня. Самое интересное... что, похоже... что я до сих пор... люблю тебя.

Я ужаснулся. Неужели это правда. Мне говорили, что в школе я был ужасно рассеянным. Мог забыть вещи в школе или прийти туда в одних носках или обсуждать с преподавателем Магбет, когда задавали по программе Элиота. Но чтобы за мной бегала такая девушка, и я не мог бы это даже увидеть, я не понимал этого. Видимо очень долгое время моя душа была наполнено чем-то ненужным для счастья, и я совсем забросил ее. Теперь она переполняется тьмой, глаза Милы заполнили ее светом.

— Я... Я просто не понимаю. Я не о том думал. Я был чем-то отвлечен, убит тьмой и пожирающей системой. Ты вернешь мою жизни или уничтожишь ее остатки, но в любом случае я буду благодарен тебе. Благодарен, что ты озаряешь мир. Благодарен миру, что он существует для того, чтобы смогла появиться ты — главное чудо всего.

Мы о чем разговаривали, но до сих пор я не могу вспомнить, о чем мы разговаривали. Зато я

точно помню ее сверкающие глазки. Она положила ногу на ногу, слегка скрючившись, уперлась локтем в коленку и поставила подбородок на кулачок, смотря на меня немного сверху. Ее улыбка освещала любую серую погоду, любую ночь превращала в ясный день. Голова кружилась. Я сам не заметил, как я начал целовать ее прекрасные, мягкие как вата губки. Глаза ее были прикрыты. Она заглатывала мои губы, будто пытаюсь быстро съесть меня, как мороженное. От нашего поцелуя исходили волшебные звуки, схожие с музыкой. Я спустился и поцеловал ее шею, твердую косточку в горле. Спускаясь все ниже и ниже. Я взял в руки самое драгоценное, что я держал — ее шелковистые ножки. Стянув жесткие туфли, которые прошлились по моим штанам, я поставил их и взялся за ножки. Я массажировал их, сжимал в руках, мял, как мнут тесто. Она откидывалась на кресле, качая головой. Она смотрела на меня. Бровки умоляюще стали домиком с просьбой не останавливаться. Она стала расстегивать блузку. Ее ножки медленно, волнисто двигались, раздвигая юбочку. Я видел белые трусики под ними, сверкали и притягивали меня. Я припал губами к ее шоколадной коленке. Я не отвлекался от самого лучшего друга в жизни — от ее колена. Нежно целовал ее ножку и сжимал ее же пальцами, боясь оставить синяк на коленке любимой. Вдруг я почувствовал какую-то ткань на моем лбе. Я поднялся. Она стянула с себя трусики, и теперь они спустились до колена — где я целовал ее. Не отрываясь от ее жаркого взгляда, я спустил до конца трусики.

Я поднялся выше и снова припал губами к ее прекрасному личику, к губкам. При этом я массажировал, мял сначала ее хрупкое плечико, потом вспомнил про кое-что еще и спустился ближе, до груди. Объемной груди было тесно в маленьком лифчике. Лишь слегка надавив на него, она сама выскочила на свободу. Острый, длинный, темный сосочек... я нежно сжимал его и перебирал пальцами. В какой-то момент я почувствовал ее сильное сердцебиение. Смачные поцелуи жаркой любви продолжались. И теперь вышли за границы прекрасных губ. Я водил губами, по щеке. Ее горячее дыхание обжигало, щекотало мою шею, что я слегка съежился. Мой язык вышел изо рта и полизывал мочку ушки. Затем посасывал губами. Прижимаясь все плотнее к ней, целуя все сильнее ее щечки и губы. Лишь потом я почувствовал, что она расстегнула молнию и стащила с меня штаны и трусы. Все таки, я очень рассеянный, и не внимательный по жизни. Но это неважно, ведь самое главное в жизни, я теперь заметил. Ее мягкие ручки вытащили мой окаменевший член, и жадно прижала к себе. Она нежно сжала мой член меж своих ножек. Он будто оказался между двумя очень мягких подушек. После еще долгого времени поцелуев, она оперлась о ручку кресла и прижалась ко мне, сильно впившись в шею. Я сжал в губах ее ушко, пытаюсь не давить зубами сильно. Член резко вошел в ее хрупкое тело, раздвигая все на своем пути, потому что он знает, что ему нужна от жизни только она. А она нежно любя обволакивала его, согревая собой и защищая от остального мира. Оба почти сразу разразились бурной страстью, которая внезапно проснулась в них и пришла на смену нежной любви.

— Ты не знаешь меня. — Пропевала она. — Я тебя люблю все свою жизнь, но ты меня совершенно не знаешь.

— Я знаю тебя.

— Как?

— Я вижу твои глаза, — я погладил ее по бархатной, темной щечке, — Вижу твою улыбку. И понимаю, что ты главное чудо всего света. Ведь человек с такой улыбкой не может быть плохим. А теперь позволь мне поцеловать тебя и больше никогда не отпускать тебя.

Ее зубы оскалились в широкой улыбке, а два прожектора опять озарили всего меня, глазками посмотрела на меня.

— Я люблю тебя и всегда любила! — Нежно сказала она.

— И я люблю тебя, и всегда буду любить! — Ответил я.